

ГАБОР ДЬЁНИ

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ. В ВОСЬМИ ТОМАХ.
ПОД ОБЩЕЙ РЕД. Р. Г. ПИХОЯ – ХАНТЫ-МАНСИЙСК:
АО ИЗД. ДОМ «НОВОСТИ ЮГРЫ», 2024.¹**

**ACADEMIC HISTORY OF IUGRA. IN EIGHT VOLUMES.
EDITED BY R. G. PIKHOIA. – KHANTY-MANSIISK:
AO PUBLISHING HOUSE „NOVOSTI IUGRY”, 2024.**

In 2024 the new representative eight-volume Academic History of Iugra was published in Khanty-Mansiisk (edited in chief by R.G. Pikhovia). The work reviews Iugra's history from its beginnings to the present day, with dozens of authors participating in its creation. Each of the eight volumes has a peculiar editorial concept. The first volume is exclusively archaeological. The second volume may also be particularly important in Hungary, as it touches on early Hungarian history, but its main theme is the influence of Novgorod and Moscow on the West Siberian region. The third volume is important and interesting in relations to the historiography of Russian colonization. The period, covered by the fourth and fifth volumes, since 18th century to 1917 – it was the final establishment of the Russian state in the region. The theme of the sixth and seventh volumes is the Soviet era, which is generally considered a positive period by the authors, as well as the decades since 1991 presented in the last book.

Keywords: Khanty-Mansiisk, Iugra, West Siberia, early Hungarian history, Novgorod, Russian colonization

Gábor Gyóni –Habil. Associate Professor, Eötvös Loránd University, Department of East and Central European History and Historical Russian Studies. E-mail: gyoni.gabor@btk.elte.hu. ORCID: 0000-0003-4489-7537

1 *Citation: GÁBOR GYÓNI, „Akademicheskaia istoriia Iugry. V vos'mi tomakh. Pod obshchei red. R. G. Pikhovia – Khanty-Mansiisk: AO Izd. dom „Novosti Iugry”, 2024” [Academic History of Iugra. In eight volumes. Edited in chief by R. G. Pikhovia. – Khanty-Mansiisk: AO Publishing House „Novosti Iugry”, 2024.], *RussianStudiesHu* 8, no. 1 (2026): 173–179. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.10*

В 2024 г., после нескольких лет подготовки, в Ханты-Мансийске вышло в свет репрезентативное издание «Академическая история Югры в восьми томах», (далее: АИЮ) – история Ханты-Мансийского автономного округа (далее: ХМАО). Название «Югра» с 2003 г. является официальным для ХМАО. Однако в данном случае оно охватывает территорию вне современных территориально-административных границ. Использование средневекового названия «Югра» призвано подчеркнуть древность региона. Главным редактором издания является известный историк Рудольф Германович Пихоя, который с 1990 г. по 1996 г. являлся главным государственным архивистом России. Он один из самых цитируемых исследователей позднесоветской истории. В редакционную коллегияцию издания входило двадцать пять ученых, среди которых Георгий Петрович Визгалов, неутомимый исследователь и меценат исследования истории Югры; Андрей Владимирович Головнёв, директор Кунсткамеры; Дмитрий Алексеевич Редин, профессор Уральского Федерального Университета; профессор Дюла Свак из Венгрии (единственный иностранец); известный этнограф Валерий Александрович Тишков; а также выдающийся историк Вадим Винцерович Трепавлов (скончался в 2023 г.). Членом Редакционного совета был также венгерский академик Иштван Вашари (единственный иностранец кроме профессора Свака).

У каждого тома имелась своя редакционная коллегия. Таким образом, удалось задействовать достаточно внушительный, можно сказать, завидный научный коллектив для создания АИЮ. Вступительное слово было написано губернатором ХМАО Натальей Комаровой и директором Института российской истории РАН Юрием Александровичем Петровым. АИЮ, это не только масштабная научная работа, но и определенная демонстрация местной идентичности. АИЮ была издана по современным меркам большим тиражом в четыре тысячи экземпляров (на бумаге, хотя в настоящее время научная литература наиболее широко распространяется в форматах pdf). Тот факт, что так много специалистов стали авторами и соавторами этой работы (первый том, например, был написан семнадцатью исследователями), усиливает представление репрезентативности. Но в то же время многоавторство неизбежно разрывает концептуальную составляющую текста – поэтому особенно важными являются «Заключения» в конце отдельных томов (хотя они имеются не в каждом томе). В разных томах сделаны разные акценты, но в целом создается впечатление, что АИЮ – это автохтонная (евразийская) история, а определенная периферий-

ность региона только усиливает его обособленность. Примечательно, что половина из восьми томов охватывает XX–XXI вв. Для венгерского читателя могут быть интересны первые тома (особенно второй), поскольку они затрагивают и древнюю историю мадьяр. На нем я хотел бы остановиться более подробно, приведя лишь основные выводы из томов, посвященных более поздним эпохам.

Первый том, под редакцией Г. П. Визгалова, посвящен археологии и охватывает период с древнейших времен по конец I тыс. н.э. После единичных находок, пожалуй, только с бронзового века (III тыс. до н.э. – конец I тыс. до н.э.) можно говорить об «осмысленной истории» региона, именно с этого времени сохранились артефакты материальной культуры в массовом порядке. Археологический заповедник Барсова гора близ Сургута, раскапываемый с 1970-х годов, особенно богат материалами уже с бронзового века. Он занимает площадь в несколько квадратных километров с десятками городищ и кладбищ. Железо пришло в регион с запада, из Прикамья, в начале I тыс. до н.э., но потребовались еще долгие столетия, чтобы вытеснить бронзу. Интересно, что, судя по распространению железа, западносибирский регион является не двигателем инноваций, а скорее консервативной периферией. Даже на Алтае переход от бронзы к железу произошел раньше (VI–V вв. до н.э.). Со второй половины I тыс. до н.э. в Западной Сибири, в бассейне Оби, доминирующей была знаменитая кулайская культура, которая оставила после себя богатое материальное наследие, просуществовавшее несколько столетий (исчезла около IV в. н.э.). Кулайская культура, по-видимому, возникла в результате культурной гомогенизации Евразии в железном веке: коневодство приобрело массовый характер, в большом количестве появились предметы с юга, из «ирано-степного мира». Этническая принадлежность кулайской культуры спорная (угорская или самоедская?), и этот вопрос останется открытым. Начало Великого переселения народов, эпоха гуннов затронули и указанный северный регион. Известно, что в этот период Западная Сибирь была «опустошена». Вероятно, именно в это время наши предки, – которые, вероятно, были частью «саргатского мира», расположенного южнее Югры – основная масса протомадьяр покинула свою древнюю родину в Западной Сибири. С приходом гуннов появились новое оружие, военные технологии, погребальные обряды и обычаи (например, деформация черепа, хорошо известная и по более западным гуннским памятникам). Оценка гуннского нашествия принципиально негативная, поскольку оно разрушило более продвинутый

саргатский мир с «развитым классовым обществом». К этой новой этнополитической ситуации восходит начало тюркского влияния в регионе, что отчасти объясняет рождение новых культур в Обско-Иртышском междуречье, таких как, например, потчевашская, обладавшая значительными фортификационными способностями, возникшими в результате симбиоза южных (вероятно тюркских) пришельцев и местного субстратного населения. И, согласно предположениям, если приуральская караякуповская культура, которую почти наверняка можно считать наследием венгров, может быть связана с потчевашской, то она также может иметь определенный мадьярский аспект. Здесь заслуживает внимание археологический памятник «Священная Кедровая роза» VI–VIII вв., близ Нефтеюганска. Там были обнаружены захоронения вооруженной мужской популяции и сасанидские монеты, как и в памятниках приуральской неволинской и ломоватовской культур того же времени. Разумеется, я не хочу этнизировать этот факт, из этого нельзя сделать вывод, что венгры жили бы в VIII в. на Оби, но в любом случае это говорит о том, что в то время между Приуральем и Зауральем существовала своего рода «сеть» связи. (Жаль, что в России приуральская и зауральская археология довольно резко разделены, как в личном отношении, так и в плане научных школ).

Второй том охватывает период с конца XI в/ до начала русской (московской) колонизации. Его главным редактором был Андрей Головнёв. В этом томе была представлена возможность выступить единственному иностранному автору АИЮ – автору этих строк. В составлении тома приняли участие не только археологи, но и историки и этнографы. Названный период был временем великих преобразований. В начале его (вернее чуть раньше, в IX в.) венгры, которым А. В. Головнёв отводит важную роль, исчезли из региона. Это конец определенного периода угорской истории: она разделилась на западную (собственно, уже мадьярскую) и восточную. А к концу периода пал Новгород, у которого также были интересы в регионе, и Москва заняла доминирующее положение, московские великие князья с Ивана III титуловали себя и «Югорскими». «По драматургии и насыщенности событиями история средневековой Югры не уступает другим областям Евразии» – это и «золотой век угорских княжеств». А. В. Головнёв представил в интересном исследовании эволюцию научных концепций о происхождении угорских народов. Эти представления появились в начале нового времени, и укоренились уже в XVIII веке. Начиная с того времени, базовая картина об урало-западносибирской прародине венгров стала широ-

ко распространенной в науке, и все, что с тех пор появлялось в связи с ней всерьез, на самом деле является лишь ее дополнением. Елена Перевалова опубликовала интересное исследование о том, в какой степени ранняя история и миграция манси и хантов могут быть реконструированы на основе устной культуры угорских народов. Здесь и на сегодняшний день считается фундаментальным фольклорный сборник Серафима Патканова. Этот труд представляет собой незаменимый материал по истории домонгольской и дорусской Югры, его данные указывают на то, что манси изначально мигрировали с Урала. А по истории угорских княжеств по сей день не превзойден труд другого классика, Сергея Бахрушина. О связи Новгорода с Западной Сибирью писал Павел Лукин, отмечая, что новгородцы не только возглавляли грабительские походы в этот регион, но и были первыми русскими колонизаторами. Весьма интересная статья А.В. Головнёва и Е. В. Переваловой о «наступлении» Москвы. Экспансию Москвы на север и Восток можно понять в контексте борьбы с Новгородом. Основанный в 1222 г. Устюг клином входил в новгородские земли и был базой для продвижения на Север и восток. В XIV в. миссионерская деятельность святого Стефана Пермского связала коми с Москвой, разрушив прежние узы Перми, но против Стефана выступал жрец Пам, который был приверженцем языческого, антимосковского «пермского мира». Именно в контексте пермской языческо-христианской религиозной войны впервые в источниках появляются вогулы (этноним вогул), поддерживающие пермских язычников. Можно предположить, что это историческое событие, разгром язычников, возможно, привело к тому, что часть уральских угров эмигрировала на восток. Также является очень интересной статья о традиционном угорском мировоззрении (работа нескольких авторов), в которой представляет особый интерес для венгерского читателя размышления о роли числа семь в угорском мирозерцании: оно, возможно, была основой древней уральской системы счисления, и символом «вселенной».

Главным редактором третьего тома был В. В. Трепавлов, над ним работали девять авторов. Основная тема – русская (московская) колонизация до конца XVII в. Книга может представлять большой интерес для тех, кто изучает историю и историографию русской колонизации Сибири (и особенно для тех, которые утверждают, что в российской историографии и в настоящее время принято дать какую-ту идеализированную картину русской колонизации). В фокусе колонизации – взаимоотношения между русскими и коренными народами. Общая кар-

тина такова: сосуществование русских и коренных жителей не было идеальным. Русские были гораздо более продвинуты в военном отношении, у них имелось современное огнестрельное оружие, но, несмотря на это, коренное население оказало им сопротивление. В XVII в. число русских в регионе было невелико, но между приезжими и коренными жителями уже начался своего рода симбиоз. Русские также переняли многие культурные элементы у коренных жителей. Поскольку изначально русское население состояло в основном из молодых военных, существовал большой спрос на местных женщин, но, например, в Верхотурском уезде и русских девушек охотно выдавали за манси. «Смешанные браки» стали обычным явлением.

Четвертый том посвящен XVIII в., его главный редактор Дмитрий Редин. Основная тема этой части АИЮ – история административной системы российского государства в регионе (экономика, государственное управление, церковная политика, история ссыльных, зарождение местной науки). Результатом этого периода стала маргинализация коренных народов (как и во властном так и географическом смысле) и их образа жизни, приток большего числа русских, интеграция местных элит в общероссийскую систему управления, более активная христианизация. Экономические изменения: качественно новая эксплуатация речных путей (в целях рыболовства, новых промыслов, торговли), появление новых сухопутных магистралей, социальные преобразования, напоминающие классовые общества.

В пятом томе рассказывается об истории Югры до 1917 г. Его составили четырнадцать авторов, но в этом томе нет заключения. Можно выделить, что авторы подчеркивают обособленность Сибири. Жизнь в Сибири текла своим чередом и в данный период, вдали от Петербурга. Здесь не было крупных городов, и ощущалась острая нехватка кадров в государственном управлении, регион по-прежнему отличался полиэтничным характером. Невозможность тесного контроля со стороны центра была отражена (признана?) в известном положении М. М. Сперанского о правах иностранных народов, изданном в 1822 г. Местные общины жили по своим законам, и древний мир Югры также оказал влияние на русских: они переняли костюмы, элементы хозяйства и верования от туземцев. Промышленность практически не развивалась, в отличие от других регионов России. Но акцент в этом томе делается не на периферийность, а обособленность региона.

Шестой том под редакцией Г. Е. Корнилова охватывает период с 1918 по 1953 гг. В целом, авторы оценивают этот сложный период поло-

жительно. В это время была создана научно-образовательная инфраструктура региона, введено всеобщее государственное образование (в том числе отдельно для национальностей), построена система здравоохранения и наконец были подготовлены местные кадры. В 1930 г. был образован Остяко-Вогульский национальный округ; с 1940 г. – Ханты-Мансийский национальный округ. Жители края в большом количестве принимали участие в Великой Отечественной войне. В регионе началась индустриализация.

Тема седьмого тома – советская эпоха после 1953 г. Оценка этого периода также положительная. Этот том, в основном, об экономической истории, в нем около 100 страниц посвящено политике, 250 страниц – экономике, 60 страниц – урбанизации, 100 страниц – культуре и спорту, около 100 – положению коренных народов. В 1960-х гг. в регионе началась «нефтегазовая революция», которая превратила национальный округ в важный нефтедобывающий и промышленный центр всесоюзного значения, поскольку именно благодаря ему Москва получала значительную долю «нефтедолларов», что помогло поддерживать советскую экономику (и отложить необходимые реформы). Уже в 1990 г. в ХМАО добывалось более половины советской нефти. Были построены новые города, в регион переехало много молодежи. В то же время развитие добывающей промышленности сопровождалось загрязнением окружающей среды и сокращением жизненного пространства коренных народов.

Последний том посвящен периоду после 1991 г. – современной эпохе, новой России. Этот период представлен как история однозначного успеха. ХМАО относится к одному из немногих регионов России, где население увеличилось даже после 1991 г., и не только благодаря иммиграции. Этот регион намного богаче среднестатистических российских субъектов федерации. Он считается донором, и если оценивать степень развития с точки зрения урбанизации, то относится к числу самых развитых, потому что 90% населения сейчас живет в городах. Деревянные бараки, которые были характерны для городов советской эпохи, теперь исчезли. В настоящее время большое внимание уделяется правам коренных малочисленных народов.

В целом, такая картина складывается, читая новую АИЮ. На мой взгляд, для венгерского читателя и для международной русистики 2, 3 и 4 тома могут быть особо интересны и актуальны, с одной стороны, из-за аспектов венгерской предыстории, а с другой стороны, с точки зрения историографии русской колонизации.